

С. ОГОЛЬЦОВ

На пути

в дальнейшее

(5)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Огольцов
На пути в дальнейшее

«Автор»

2026

Огольцов С. Н.

На пути в дальнейшее / С. Н. Огольцов — «Автор», 2026

Пятый кусок от Хулиганского Романа завершает его благотворительную разбивку на удобоваримые для читателя размеры оптимальной усвояемости (исходя из норм здравоохранительных структур на текущем историческом отрезке). Здесь протагонист, чуя приближение сюжетного конца, готовится к прыжку за водораздел кавказского хребта, чтобы хоть там, затихарившись, отсидеться под личиной инородца. Наивный лох не мог предвидеть, что Впрочем, это уже другая история.

Сергей Огольцов

На пути в дальнейшее

Предисловие

Пятый кусок от Хулиганского Романа завершает его благотворительную разбивку на удобоваримые для читателя размеры оптимальной усвояемости (исходя из норм здравоохранительных структур на текущем историческом отрезке).

Здесь протагонист, чуя приближение сюжетного конца, готовится к прыжку за водораздел кавказского хребта, чтобы хоть там, затихарившись, отсидеться под личиной инородца.

Наивный лох не мог предвидеть, что...

Впрочем, это уже другая история.

~ ~ ~

Б

урлак-одиночка

Мои хлёсткие отповеди бракоразводному судье вдохнули гордости мне в грудь, и она малость расправилась, однако ненадолго.

Всё скатилось обратно в колею страстотерпца, увязшего в сокрушённой пробуксовке: за что?! я же ж так любил! я так старался... И в результате лишь глубже погрязал в прилипчиво томящих мечтаниях, что в один прекрасный день Ира вдруг придёт, и всё снова станет хорошо, ну, как-то вот возьмёт и станет...

Факт, что подачей на развод Ира логично и прямолинейно расчищала путь в свою дальнейшую жизнь без меня, не приносил освобождения от несбыточных надежд и бесплодных упований типа ну, всё равно, как-то-вот-нибудь, а будет хорошо...

— —

Но страдание, как и всякое иное чувство, какое ни возьми, хоть даже и радость, когда без выходных и перекуров — конкретно заколёбывает своим однообразием, и постепенно во мне возникло и стало крепчать мнение, что развод не помешало бы таки как-то отметить. Но как?

Каких-либо народных обрядов в ознаменование такого повода, на ум не взбрело, мне оставалось только импровизировать. Ясно одно — тут нужен особый день, чтоб выделялся из течения остальных с прочими. И вот за именно таким днём я и отправился в стольный Киевград.

Бабье лето в ту осень до того распоясалось, что в путь!дорогу я пустился просто в пиджаке, хотя шла уж первая неделя ноября. С оглядкой на календарные воззрения, что настолько лёгкий прикид мало стыкуем с глубиной текущего сезона, под пиджаком на мне сидел (частично виднеясь) жилет тёмно-серого сукна. Эта деталь никогда не входила в какой-либо костюм «тройку», жилет появился у меня ещё в школьные годы, от всё той же остроносой портнихи в ателье под боком у автовокзала...

Таким вот фраером (плюс рубаха и штаны, не говоря уже про туфли), я вынырнул из inferнальных глубин киевского метрополитена на станции «Хрещатик», и перешёл на неспешный променад по замечательно широкому тротуару одноимённой улицы, под сводами могучих каштанов.

Дошагав до улицы Красноармейской, с покрытием из серой, до блеска нашлифованной движением транспорта брусчаткой, я свернул на её спуск в сторону магазина «Зарубежная Книга». Склон тротуара там довольно крут, однако асфальтирован, и к этим обстоятельствам примешивалось намерение сделать приятный подарок самому себе, на память о текущем празднестве.

Глаз на сувенир был возложен достаточно давно, я на него облизывался ещё во времена командировки на реконструкцию молочного завода или, возможно, фабрики.

Однако достоялся ли избранник?

Приливы досаждающего беспокойства я заглушал праздным созерцанием отрывочных событий в несвязной жизни тротуара. Так, на всякий, поскольку почти не сомневался...

Ха! Что и требовалось доказать!... Всё та же ярко-алая суперобложка моего красавы — «Chamber's 20th Century Dictionary» — радостно замаячила навстречу со всё той же полки в просторном торговом зале магазина.

Продавец, с оглядкой на мой праздничный наряд—(из-под жилета виднелся также распахнутый на шее ворот моей линияло-красной рубашенции)—с вежливой осмотрительностью переспросил, вполне ли я уверен, что хочу именно эту книгу.

(...меня не удивило его сомнение — в тот год, тогда ещё текущего 20-го столетия, обывателям ещё не примелькались олигархи и зарубежные миллионеры, им трудно верилось, что кто-то может позволить себе выложить за книгу 31 руб. 60 коп. Кроме, конечно, каменщиков, празднующих свой развод...)

—

Из магазина я вышел с толстым томом в тугой обёртке из их фирменной упаковочной бумаги нежно-лавандового цвета. Подарок следовало забросить в ячейку камеры хранения на вокзале, вопрос лишь: каким путём? Опять на метро? Нет, не такой это был день. И я приблизился к берегу недвижимого потока брусчатки, по которой прищепётывали шины шелеставших мимо быстролётных стоек такси...

~ ~ ~

С вокзала я сделал также вылазку в магазин «Охотник» по адресу, что дал мне Гриня. Он заказал оттуда какую-то сверхскладную удочку. Да, вполне привольно разместилась в одной ячейке с книгой...

—

По завершении шопингового гульбища и последующей штабелёвки промысловой добычи, был дан старт культурной части программы.

В тот вечер Дом Органной Музыки переливался трепетно яркими аккордами солнечных бликов и всплесками волн морского простора, раскинувшегося в «Эскизах» Дебюсси, звучали и прочие творения того же Клода...

Когда я был маленьким, отец мне говорил, что слушая такую музыку (он не назвал её полифонической, чтобы не забивать ребёнку голову), следует представлять какие-то картины, подходящие. Все культурные люди так делают.

Мне никогда не удавалось исполнить его наставление, звуки чересчур настырны и ревнивы, полны необоримого стремления подчинить себе, не оставляя места для культурных правил...

В после-концертных сумерках, навалившихся при выходе за дверь Костёла Органной Музыки, холод глубокой осени отчётливо дал себя почувствовать. Да и просто жрать захотелось.

Очередной таксомотор доставил меня в ресторан гостиницы «Золотой Колос».

—

Для начала, я попытался снять номер на ночь, но регистратор, отметив мой прикид не по сезону, а также отсутствие багажа, осадил мои амбиции обычным вопросом ниже пояса — насчёт наличия брони на номер. Регистратуры давно уж наострились отделяться от празднующихся ронинов без кованых доспехов. Нет брони? Подъёмный мост не опускать!

—

В ресторане, чтобы сориентироваться, я заказал бутылку вина, и за мой стол тут же присел мужик в летах и при берете.

(... если есть берет, но нет портфеля — значит, судьба свела тебя с электриком...)

Мы не успели распить и по стакану, когда белобрысый молодчик бросил якорь с третьей стороны стола. Трудно вообразить, по какому поводу прибившийся третий принялся складывать пальцы в композицию «моргала выколю!», сопровождая эту калистенику агрессивным мычанием.

Электрик затихарился под своим беретом... Программа праздника не предусматривала гладиаторских увеселений, я встал: «Ланна, юноша. Оставляю это застолье вам. Наслаждайтесь».

Отойдя к официантам, я заплатил за вино и покинул ресторан. Белобрысый рванул за мною следом в вестибюль, однако не у всех из трёх стеклянных тамбуров двери наружу были отперты. Он заскочил в не тот.

Прощально помахав рукой узнику лабиринта, я сошёл с крыльца, чтобы продолжить праздник в другом месте...

Ночевка на вокзале мне показалась не слишком праздничной перспективой.

Следующий таксист отвёз меня в гостиницу «Старая Прага», в районе Оперного театра. Тамошняя молодая регистраторша начала с увертюры волынки на тему предварительного бронирования, но вдруг сменила гнев на милость, и мне таки нашёлся номер.

Правда, она предупредила, что обойдётся подороже. Тому причина выяснилась уже в самом номере, где помимо комнаты имелась ещё и прихожая с лакированным сервантом, а в нём — тарелочный сервиз.

Чуть-чуть обжившись в обстановке, я решил больше не испытывать судьбу своим нарядом, и ужин заказал по телефону в номер — рыбу с картошкой и вино, непременно белое, пожалуйста...

После ужина появилась пара молодых людей, наверное, официантка забыла дверь захлопнуть. Я так и не понял, что эти юноша и девушка хотели. Картошку я уже съел, кровать всего одна, и у меня ни малейшего желания делиться ею.

В бутылке, правда, оставалось на доньшке, молодой человек допил, и они ушли искать пристанища в другом номере.

А когда я уже спал, пришла официантка: забрать тарелку с вилок, а заодно плату за ужин. А до его начала я предлагал, что расплачусь авансом. Не захотела. Теперь взяла, только мне пришлось при ней выходить в трусах в прихожую, где штаны остались.

Заплатил ей ровно, сколько сказала, в кармане после такси копеек — горстями. Ну, а как вышла, я уж дверь запер, чтоб спать не мешали

~ ~ ~

Проснувшись поздним утром, я покинул гостеприимную «Старую Прагу» ради прогулки по городу...

Когда я проходил мимо Золотых Ворот (недавно возведённый памятник древнего оборонительного зодчества, доступен для осмотра с близлежащего тротуара все 24 часа в сутки), меня обогнал светловолосый молодой человек, тяжело дыша на бегу. Явно из монады вчерашнего долбонутого быдла, что сунулся не в ту стеклянную коробку входа-выхода гостиницы «Золотой Колос».

Похоже, всей монадой придётся попытеть, чтоб как-то пережить полосу хреновой кармы, накинутой дареным застольем. Но тот долбодон сам напросился...

—

На спуске к Бессарабскому Рынку, отчётливо почувствовалось, что час наверняка обеденный, и я направился в подвернувшийся слева по тротуару ресторан «Ленинград».

Нежданно опередив меня, группа Негров втянулась в то же самое заведение, однако расистом я никогда не был, и своего намерения не изменил. Хотя мне никак не понравился чересчур жирный загравок замыкающего в их строю. Зажравшаяся Африка.

В безмолвной дневной сумеречности ресторана, я не углядел, куда успели рассосаться уроженцы жаркого континента, однако в обеденном зале кроме меня никого не оказалось, и вся его площадь целиком досталась празднующему мне.

Я заказал какое-то блюдо в горшочке — в меню так прямо и стояло что-то-там-такое «в горшочке». И действительно, принесли керамический горшочек, как и обещалось, а в нём картошка с мясом. Да, ещё и соус был. Коричневый.

Есть из горшочка оказалось совершенно неудобно, и слишком горячо. Пришлось догадаться и выгрести часть исходящей паром кулинарной экстраваганцы в имевшуюся на столе тарелку, а потом добавлять в неё же из него же, по мере убывания.

Расплатившись, я посетил безлюдный тихий туалет ресторана и вышел оттуда совершенно иным человеком. Не тем, каким явился в ресторан «Ленинград». В голове неспешно проворачивались строки Ивана Франко:

"Обриваються звільна всі пута,
Що в'язали нас з давнім життєм..."

Не углубляясь в оценки прочего творчества известного поэта и прозаика, основным различием между мною входящим и мною покидающим один и тот же ресторан, являлось отсутствие пиджака, который я умышленно оставил висеть в туалете.

Тот самый свадебный пиджак, присутствовавший на регистрации моего брака с Ирой в Нежинском ЗАГСе. И он же, которому удалось пережить несвоевременность моей попытки забыть его в туалете одесского ресторана «Братислава». Тот момент был явно не дозревшим для нашей с ним разлуки.

Стоял ли этот пункт в программе праздника? Нет, пример прилива вдохновения, — экспромт. Однако мне понравился.

~ ~ ~

Налегке, я зашагал вверх по Хрещатику. Там подготавливались к ноябрьской демонстрации — громко играл духовой оркестр, и маршировали войска киевского гарнизона.

Вдоль тротуара уже успели проложить нескончаемые ступени для зрителей. Всего три, но весьма широкие, чтобы граждане стояли на них счастливой толпой и массово махали руками, в знак одобрения и коллективной радости.

(Тут ведь не угадаешь, соседка по площадке говорила, что как-то раз сама себя увидела в программе вечерних новостей, с воздушным шариком. Вапцета, она тогда туда с флажком ходила. Маленький такой. «Миру — мир». Но куртка, точно её. Розовая. Раньше красная была. Но потом в химчистке сказали, что так ей даже лучше. С румянцем гармонирует...)

—

До предстоящего события оставалось два дня, и ступени всё ещё простаивали пустыми. Я шагал вдоль средней, гулко пристукивая каблуками о деревянную твердь толстых досок — мужик в расцвете сил, в красной рубаше под серым жилетом — и солнце весело подмигивало мне сквозь ветви могучих киевских Каштанов над головой.

Передо мною простирался путь в метро и на вокзал, и я снова был готов к траншеям, стенам и перегородкам.

Людам и вправду нужны праздники, а также и духовые оркестры, чтоб им веселей шагало в жизни дальше...

~ ~ ~

Когда Панченко — даже не глянув, что может кому-то череп развалить — швырнул чугунный радиатор из четырёх секций в окно с четвёртого этажа, ну, вроде как просто от нехер делать, его прикол, по сути, имел под собой достаточно здравую подоплёку. Этой имитацией грома с ясного неба, он ясно посигналил всем, кого это может касаться, что яйца у блатного ветерана пока что вполне волосаты, а под его кепкой-восьмиклинкой с пипочкой (любимый фасон блатняков конца пятидесятых), он всё ещё не слабо ёбнутый резвак.

Сигнал адресовался, в первую очередь, мастеру, который рисовал его наряды на исполнение работ, а также главному механику, который те наряды принимал и подписывал, для последующего начисления зарплаты, чтобы Панченке было на что начинать новую, честную жизнь. С очередного чистого листа. Да и пора уж, как-никак мужику пятьдесят стукнуло. И ему с любого боку было похрен, что после повторной ходки в Ромны мне уже никак не светит должность навещателя прихворнувших коллег от лица профкома СМП-615.

—

Эту, поначалу довольно хаотичную должность я сумел вывести на уровень безукоризненного совершенства. Забылись времена растерянного опускания ушей, когда кто-то из грузчиков или плотников, вернувшись в трудовой строй после пары дней парковки в железнодорожной больнице, делился громогласными упрёками, что он остался обойдёно-неутешенным, тогда как в бригаде каменщиков не посещённых не случается.

Но я-то тут при чём? Их чужие бригадиры мне не докладывают!

Проблеме нашлось радикальное решение — после каждого рабочего дня, я звонил по телефону-автомату, привинченному к зданию вокзала, в больничную регистратуру: а к вам ли, часом, не поступал кто-то из наших?

Работницы там, кстати, быстренько втянулись и уже без уточнений типа «а ваши наши это кто?», чётко сливали информацию на хворых из СМП-615, даже про аборты, которые меня никак не касались, поскольку пациенток в тот же день больница отправляла отлёживаться дома.

Затем встал вопрос взвешенной сегментации трёх рублей, выделяемых профсоюзом на посещение госпитализированного сотрудника.

Как потратить данную сумму, чтобы каждый страждущий получал равную меру утешения, невзирая на возрастную категорию, половую принадлежность и прочие наклонности?

Не сразу, но и эта заковыка нашла надлежащее и—(без ложной скромности следует отметить)—архичёткое решение.

Один рубль тратился на питьё — неизменные три бутылки: одно пиво, один лимонад, один кефир. Тебе не нравится пиво? Отдай соседям по палате.

Оплата пирожных, зефиров и/или прочего чего, подвернувшегося в магазине «Кондитерские изделия» на Путепроводе, покрывалась вторым рублём.

Для траты третьего, заключительного рубля наносился визит вокзалу, где с широкого прилавка СОЮЗПЕЧАТЬ (справа от входной двери ресторана) обязательно снимался неизменно популярный сатирический журнал «Перец» с красочными весёлыми картинками для взрослых. Второй непременно служила Конотопская городская газета «Радянский Прапор» (на местном Украинском — «Прапорец») или, как его ласково именовал мой отец «наш брехунок». Остаточная мелочь шла на центральную периодику — «Труд», «Гудок» и т. п. (Morning Star коллегам я не покупал, хотя качество снимков там в разы превосходило рябящий ротапринт Советской прессы.)

С вокзала, с полной обоймой пакета-утешителя, я шагал в жел-дор больницу.

—

Трения возникали позже, при сдаче отчёта для возмещения мне трёх рублей. Профсоюзный «босс» Слаушевский буквально в штыки встречал упоминание бутылки пива в документе. (Профсоюз и пиво — две вещи несовместные... ну как бы, наверное... или как?)

В конце концов, в качестве компромисса я предложил ему самому составлять доклад, а я подпишу что угодно...

И вот теперь такой, до микрона выверенной системе осталось жизни только до отчётно-выборного собрания профсоюза СМП-615, в конце ноября.

Тем не менее мне удалось накормить Панченко вафлями...

—

Выслушав телефонный доклад регистратуры о наличии у них некоего Панченко из СМП-615, я понял, что тянуть нельзя — нахер мне риск скоростной выписки?

Я повесил трубку и пошёл в гастроном № 6 за вафлями. Прежде всего. Потом опять вафли, из киоска. И снова вафли — на весь усладительный рубль, в разных обёртках, из разных торговых точек...

~ ~ ~

Кратко взглянув через плечо на размытое отражение нас двоих в чёрном зимнем мраке за стеклом окна без решёток, я похвалил интерьер больничного холла. Целлофановый пакет в моей руке издал зазывно соблазнительный «дзиньк», когда я протянул его пациенту. Он не мог не взять, — как любой и каждый в СМП-615, он знал не глядя, что там и пиво...

Отчего я хохотал как чокнутый, мотаясь по снегу тёмных задворков, срезая от магазина к магазину в ходе сбора коллекции вафель различных оттенков?

Не берусь объяснить, но это был смех на выживание, до потери пульса, до жгучих слёз из глаз, до поиска, вслепую, твёрдой опоры, чтобы не рухнуть, доходя в конвульсиях...

—

Пару дней спустя Лида, каменщица из нашей бригады, спросила меня с глазу на глаз: «Панченко посещал?»

— А то.

— Тоже пирожные?

— Не. Ему только вафли — без вариантов.

Она знала, что я никогда не вру, из принципа. Я умолк и напрягся, потому что мне опять пришлось подавлять прилив необъяснимо беспричинного смеха.

Через минуту, Панченко зашёл за чем-то в наш вагончик. Аккуратно, взвешивая каждое слово, Лида его спросила, приходил ли я к нему с визитом.

— Да.

— С пакетом?

— Ну, какие-то газетки там. Я их даже и не читал.

Больше не было сказано ни слова. Остальные она излила дома, своему мужу Мыколе. Что он уже семейный человек и меньше пусть заглядывает в рот этому вафлеглоту Панченко...

~ ~ ~

Как-то не сразу мне дошло, почему бракоразводный процесс оставил по себе неясное впечатление какой-то недовершённости. Чего-то в нём осязательно не хватало.

(... мой вид тугодумия примечателен тем, что мне в конечном итоге удаётся как-то сообщить, о чём поначалу и в голову бы не пришло подумать...)

Ну, конечно! Этот забывака, народный судья, и словом не обмолвился про алименты! Как будто я бездетный... Задача исправления судебной ошибки легла на мои плечи...

—

С декабря месяца я начал ежемесячно пересылать 30 руб. на Красных партизан. Для этой цели, в день полочки, я пользовался почтовым отделением напротив автовокзала.

Но поскольку ты не являлась моим единственным ребёнком, точно такую же сумму я отправлял и на Декабристов 13. «30 в Нежин, 30 в Конотоп» — на несколько лет стало моим финансовым образом жизни и самой повторяющейся строчкой в записной книжке.

Почему именно такая сумма? Я не знаю. Взятыми вместе, переводы составляли половину моего заработка. Из второй половины, помимо моих расходов на баню, стиральный порошок и гигиенические принадлежности, я иногда покупал книги и ежедневно обедал в столовых.

На первых порах мать пыталась меня убедить, что Конотопскую «30» можно приносить на Декабристов 13 и отдавать из рук в руки, хотя ей эти деньги ни к чему. Её настойчивость я аргументировано отклонял тем, что мне так удобней.

От бригады, конечно, не укрылось, что я алиментщик — при моём принципе отвечать на прямые вопросы без увёрток, им достаточно было спросить: а чё эт я каждую получку заскакиваю на почту возле автовокзала? И некоторые каменщицы тоже задавали этот же вопрос: почему ровно 30 руб.?

Борясь с волной непонятно откуда и в чей адрес нахлынувшей вдруг злости, я отвечал, что большего — не надо, и даже если моя зарплата составила бы 3 000 руб., «тридцатки» в Нежин и Конотоп так и остались бы «тридцатками».

Случались моменты, когда я не мог разослать алименты, и строчке «30 в Нежин, 30 в Конотоп» приходилось ждать пока наскребётся искомая сумма и, по рассылке, корявая птичка замкнёт строку.

Временами я высылал только 15 рублей в каждом направлении. Один такой период случился, когда я случайно подслушал разговор моей матери с моей сестрой Наташей. Они осуждали Иру за то, что продала мой овчинный кожух и вырученные деньги оставила себе.

Я, конечно же, замечал отсутствие полушубка, однако понятия не имел, куда он делся, как, или почему.

Теперь для реставрации репутации жены Цезаря, мне вынужденно пришлось понизить алиментную ставку до 15 рублей, пока не набрались искомые 90 руб.

—

Я отвёз деньги в Нежин, и в почтовом отделении на Красных Партизан попросил случайную посетительницу заполнить адрес на бланке почтового перевода, под мою диктовку. В графе, отводившейся на той бумажке для сообщений личного характера, я написал — с корявым наклоном влево — «за кожух».

Почему 90 рублей? Ну, рыночная цена нового овчинного кожуха с длинными лапами составляла 120 рублей. Мой был короткий, а возрастом старше меня — ещё с Объекта, остальное чистая Арифметика.

Получив настолько крупный перевод, моя мать порывалась спросить меня о чём-то, но на тот момент я уже не разговаривал со своими родителями, так что спрашивать тупо молчащего меня «за кожух» не имело смысла.

(... тут будет излишне отметить, что мудрость посторонних не делает нас умнее. В одном из своих рассказов, повествуя о молодом человеке, который прекратил общаться с родителями, Моэм замечает, что в нашем суровом и враждебном мире люди непременно исхитряются сделать своё положение ещё хуже.

Я огласился с мудростью высказывания, но не воспользовался им. Потребовалось десять лет разлуки (четыре из которых пришлось на полномасштабную войну), чтобы по приезде на побывку в Конотоп, я снова начал разговаривать со своими родителями.

И мне приятно было выговаривать «мама», «папа». Только приятность эта, как бы обволакивалась слоем войлока, мешавшим прочувствовать её, словно это я обращался не к своим родителям; а может не совсем я говорил с ними. Наверное, с отвычки или, возможно, потому, что слишком все мы изменились к тому времени...)

~ ~ ~

Профсоюзно-общественную деятельность, как и предвиделось, мне перекрыли наглухо, однако право исполнять мой общественный долг осталось при мне. Никто не в праве посягать на обязанность каждого блюсти и защищать порядок и безопасность проживания в нём.

(Кому не дошло — не огорчайтесь, я б тоже с первого раза не врубился, что речь идёт о ежемесячных дежурствах в добровольной народной дружине по охране общественного порядка.)

—

К семи часам, работники СМП-615 мужского пола собирались в помещении под вывеской «Опорный пункт отряда народной дружины». На двери в торцевой стене нескончаемой

пятиэтажки, которая давно сменила невзрачный барак ОРСа возле Путепровода-Переезда. Это то самое здание, где на другом конце рабочая столовая № 3.

Первым обычно являлся водитель автокрана Мыкола Кот (нет, не кличка, и не какое-нибудь кодовое имя, а вполне невинная Украинская фамилия). Он усаживался за упёртый в стену стол с кипой старых газет, натягивал свой головной убор из дешёвого, но элегантно чёрного кроличьего меха поглубже на уши, и начинал листать залежи новостей прессы, скопившейся после нашего предыдущего дежурства.

Потом, один за другим, подтягивались и мы, рассаживались, кто где, и начинали свой, исполненный мужественности и достоинства разговор на ту или иную тему.

Тут Кот, не отрывая глаз от «забытых газет» из дней минувших, предрекал, из-под чёрного меха невинно убиенного животного на своей голове, что даже если б мы начали свою умудрённую беседу с высот орбитальной станции «Салют», конец окажется один и тот же — мы неизбежно скатимся на пизду Аллы Пугачёвой или какой-нибудь более доступной пробляди местного разлива.

Как правило, он не ошибался. А всё из-за опоздавших, которые пропустили его наглое, но безошибочное, по сути, предсказание.

Минут около десяти в сторону восьмого, являлся мент — в звании от лейтенанта до капитана — внести свою лепту в наш мужской трэндёж, и раздать из ящика в своём столе красные повязки, с чёрно-плотным шрифтом «Дружинник».

Группами по трое, мы покидали опорный пункт, охраняя общественный порядок на вечерних тротуарах своими обходами: на вокзал, на Деповскую, в Лунатик, и вдоль проспекта Мира, но не дальше моста в жел.-дор. насыпи.

После прогулочного обхода длиной минут в сорок пять, мы возвращались в исходно-опорный пункт (некоторые из троек в размякше-сентиментальном настроении) — и, потрандев более оживлённым стилем, выходили в заключительный обход, чтоб к десяти разойтись по домам до следующего дежурства...

~ ~ ~

Пару раз на наши вечерние утренники приходили работники КГБ со своими ориентировками.

Первое явление случилось накануне праздника Великой Октябрьской Социалистической Революции, и нас предупредили быть особо бдительными, и пресекать любые выходки провокационно антисоветского характера. Как только кагебист свалил, явился припоздавший мент поиздеваться над своим предшественником (по которому уже и след простыл), вопрошая — хорошо ли нам дошло, что подвернувшегося на глаза шпиона требуется моментально обезвредить и волоочь в опорный пункт.

Во второй и последний раз, работник КГБ (уже помладше возрастом), делился конфиденциальной информацией, призванной ускорить поимку бывшей сотрудницы КГБ, которая самовольно скрылась в неизвестном направлении и залегла на дно. Она могла сменить причёску и цвет волос, пояснил работник КГБ, показывая нам её чёрно-белый портрет, но у неё есть особая примета, упрощающая опознание — противозачаточное кольцо в её вагине. Голландского производства...

Мужики не сразу врубились про шо он тута ващце, а когда допётрили, то сыпанули таких наводящих вопросов, что кагебист выпулился из-под вывески «Опорный пункт» на первой космической. В конце концов, он всего лишь исполнял приказ, за тупость которого не нес ответственности...

~ ~ ~

В один из обходов, мужики моей тройки меня киданули. Ходить в группе из трёх дружинников не то чтобы почётно, но терпимо, однако когда оглянешься по сторонам и, в свете витрин шестого гастронома увидишь, что среди прохожих, снующих по утопанному снегу

трогуара, лишь только твой рукав обвязан красной тряпкой, начинаешь сам себе казаться «малость тогб».

Удерживая наглое выражение рожи типа мне всё пофиг, я дошагал до привокзальной площади. Однако плотник Мыкола и водитель Иван не различались среди торопливых силуэтов. Встречные прохожие призывного возраста оглядывались на странный феномен — оборзевший дружинник-одиночка.

Большого ума не требовалось для 100-процентно безошибочного вывода, что сопатрульники мои, содрав свои повязки, взяли бутылку «бормотухи», не в том так в другом гастрономе, и в данную минуту, в тихом закутке, гурголят её с горла, по очереди, для сугреву и общего тонуса. Где? Вот в чём вопрос.

Скорее всего в тихой неразберихе из кратких улочек и тупичков между шестым гастрономом и высоким перроном первой платформы, в той мешанине из складов, кож-вен кабинета, пары частных хат без огородов, и прочих дощатых строений.

Туда-то я и свернул, но не потому, что имел хоть малейший шанс или желание присосаться к той же бутылке, а дабы эта пара хитрожопых устыдилась и поразилась бы — на что способен дедуктивный метод, вычисливший их в тихом закоулке под фонарём. И это будет лишь на пользу обоим падлам...

—

Однако вместо водителя с плотником, в конусе жёлтого света от лампочки на столбе, я нарвался на жанровую сцену.

Девушка гуляла с молодым человеком, когда их общий знакомый, другой молодой человек — здоровенный такой бугай — застал их за этим занятием, и начал разборку.

Появление четвёртого лишнего с красной тряпкой на рукаве (матадор?) замедлило развитие сюжета, но всего только на минуту. Смекнув, что больше охранников порядка не предвидится, здоровяк начал метелить хотя и мелкого, но более удачливого в любви соперника.

Тот упал на одно колено, сбросил с плеч болоньевую куртку «на рыбьем меху» в тот же сугроб, куда секундой ранее скатилась шапка, и — ринулся в ответную атаку.

Я оставался безучастным боковым арбитром с тряпкой. Девушка собрала куртку и шапку, чтобы держать их, как когда-то Ира держала мою кроличью, на главной площади Нежина.

Силы были слишком неравны. Когда легковес вновь рухнул на снег, девушка, не считая до 10, сложила его носильные вещи под фонарный столб, взяла победителя под руку и скрылась вместе с ним в лабиринте неразборчивых проулков.

—

Поверженный встал на ноги и, видя, что я всё ещё тут, разразился пылкой сумбурной речью, воспевая силу духа, перед которой физическая сила — ничто, потому что в духе вся сила... В Конотопе каждый второй — прирождённый лорд-спикер. Или я уже об этом говорил?

В виде утешительного приза сокрушённому Демосфену, я поделился наблюдением, что во время схватки девушка держала как раз таки его вещи, а не меховую шапку-пирожок его оппонента, которая тоже отлетела в снег по ходу сшибки.

Услышав слова ободрения, он заткнулся и торопливо прошманил карманы своей куртки — всё ли там, потому что, при всей врождённой любви к ораторскому искусству, основная отличительная черта Конотопчан — это здравый смысл.

~ ~ ~

И точно так же, никто не мог мне запретить, чтобы женщины нашей бригады каждый год на 8-е марта получали цветы — каллы По одному цветку на каменщицу, потому что я не миллионер, а мужики нашей бригады не каждый год догадывались спросить, сколько платил, и скинуться по рублю с носа.

Впрочем, возмещение расходов меня не слишком-то и волновало — я сделал открытие, что мне нравится дарить подарки намного больше, чем получать самому.

Однако вначале пришлось найти городскую оранжерею, которая практически у чërта на куличках. Надо сойти с трамвая № 2 за одну остановку до его конечной. Потом свернуть налево и полкилометра топать улочками времён Гражданской войны. Типа улицы Юденича или там переулкa Деникина. Конечно же, на самом деле названия у всех оставались правомерно Советскими, но вид — ностальгически Белогвардейский...

—

Когда я пришёл в оранжерею в первый раз, заведующая завела меня в длинное приземистое строение с двускатной крышей из квадратов мутного стекла, откуда падали тяжкие редкие капли конденсата. Она хотела, чтобы я лично убедился в отсутствии цветов. А посадки на тех грядках — это каллы, которые ещё не вызрели, они «нерозцвічені». То есть белые цветы ещё не превратились в широкие раструбы с отворотами.

И тут всё моё косноязычие как в воду кануло, я выдал образчик Конотопского красноречия. На тему, что это для неё, гуляющей каждый день в зеленях тепличных грядок, каллы кажутся нерасцветшими. Но для женщин нашей бригады каменщиков, которые видят лишь кирпич, раствор да обледенелые торосы грязного снега, эти каллы, пусть даже и «нерозцвічені», — самые прекрасные цветы на свете.

—

С того дня, и покуда я работал в нашей бригаде, мне ни разу не сказали «нет» в городской оранжерее накануне 8-го марта. И я с гордостью вёз на сиденье трамвая вязанку зелёно-белых калл, которые в магазине «Цветы», на углу площади Мира, появятся не раньше, чем через полмесяца.

~ ~ ~ Заскок в не слишком радостное будущее

Моё решение было окончательным и бесповоротным — пора подвести черту. Рассказ, который перевожу сейчас, станет последним для книги. Хватит с меня Моэма. Даже то обстоятельство, что заключительный рассказ пришлось переводить дважды, не смог поколебать мою решимость.

~ ~ ~

Переводить вторично меня вынудил Толик Полос, когда сквозанул мой портфель. В нём ничего и не было, кроме тетрадки с последним переводом, когда я рано утром нёс его на Вокзал, в ячейку камеры хранения, чтобы после работы отвезти к Жомниру в Нежин.

На Посёлке в такое время прохожих нет, во всяком случае, вдоль путей в направлении Вокзала. В том самом месте, где начинается бетонная стена завода КПВРЗ, я вспомнил, что забыл взять деньги на электричку. Пришлось идти обратно, оставив портфель одиноко дожидаться меня на обочине тропы служебного прохода.

По пути на Декабристов 13, я встретил Толика Полоса, который тоже закончил школу № 13, на два года позже меня, и теперь топал мне навстречу, в противоположном направлении. И он вообще-то не с этой окраины, значит возвращался после романтической ночи...

Ухватив рубли, забытые спозаранку, я вернулся к истокам заводской стены. Портфель не стоял на отведённой под него обочине, и вообще нигде вокруг. Мимо данной точки пространства проходил только Толик и я. Или кто-то ещё?

Ответ явился неделю спустя, в трамвае № 3. Толик не сказал «привет», а вместо этого, развалившись на сиденье, строил мне рожи в развязной манере Славика Аксянова из общежития шахты Дофиновка. Но — самое главное! — правая рука у него оказалась загипсованной.

Нужны ли более прямые улики, что одиночество портфеля в безлюдной рани нарушил именно Полос? Может, кому-то и да, но мне — нет.

(...иногда по ходу жизни я не только вижу знаки, но и запросто читаю их откровенный смысл...

~ ~ ~

По сути дела, восстановление рассказа, сквозанутого совместно с портфелем, не явилось переводом заново. История бедной Джулии, которую вынудили сдать её любовника, всё ещё живо сидела в моей памяти, и через месяц я отвёз мой заключительный перевод Жомниру, однако уже не в портфеле. Так что, хоть и с месячной задержкой, мысль завязать с переводами Моэма стала осязаемой явью. Но эта явь была лишь пунктом более обширного плана действий.

—

Подобно всякому из моих планов, он не имел списка последовательных действий или чётких деталей.

Вообще-то планы мои, они даже и не планы вовсе, а ощущения, что хорошо бы, если было б так, ну, или как-то по-другому. Детали к плану примазываются попозже, в ходе исполнения.

~ ~ ~

Уже помянутый широкий план почувствовался оттого, что мне, наконец, дошло, что никаких моих переводов Жомнир «засватывать» не станет. Никуда и никогда. И неважно почему, главное — что это точно. И выходит что?

Да проще некуда — надо брать вопрос публикации в собственные руки.

Вот для чего неплохо бы собрать все мои переводы в тонких школьных тетрадках из 12 листов каждая, заштабелёванных где-то там, среди прочих бумажных груд на стеллажах Жомнира в его архивной комнате...

—

Я приехал в Нежин и объявил Александру Васильевичу о своём намерении забрать мои чёрно-серо-беловики. Жомнир не возражал и ни о чём не спрашивал.

Он устроил застолье, потому что эти годы сделали меня родственником в его доме. Довольно дальний бедный родственник, который иногда полезен, если, скажем, переклеиваешь обои в гостиной...

Мы сели за квадратный стол, выдвинутый от стены в центр комнаты, и ели всё, что приносила из кухни Мария Антоновна. Мы пили крепкий сельский самогон. Жомнир увлечённо делился новостью про золотую пектораль большой художественной ценности, которую недавно раскопали в каком-то из степных курганов.

Когда тема раскопок исчерпалась, он спросил какие у меня отношения с Нежином, имея в виду Иру.

Я с гордостью охарактеризовал эти отношения как плодотворные, имея в виду тебя. Затем я осторожно спросил, а Ира как.

— Что как? — ответил Жомнир. — Блядует по городу.

Разумеется, у меня имелось достаточно знакомства с дедуктивной логикой для самостоятельного ответа на такой элементарный «как». И я бы мог вполне и живо представить «как», если бы постоянно что-нибудь не отвлекало, типа «ой! гля какая там птичка непонятная!», или же «куда я тогда запроторил ту хрень... в четверг, кажется? точно помню, что что-то не мог найти в четверг, но что именно?» и тому подобное...

Короче, избегал я логично размышлять в том направлении. А вот и донаивничался, схлопотал пинок по яйцам, отечески-увещательный. Ну, может, не совсем по яйцам, а на полметра выше.

Удар, в общем-то, пришёлся «под ложечку», но не нокаутировал настолько, как фраза Иры «а у меня есть Саша». Она делилась этим с моей сестрой, однако Наташа придержала информацию, пока не миновал мой бракоразводный процесс. Вероятно, приберегала как утешительный мне призыв.

Но меня поразило фактически до изумления, что Жомнир слово в слово повторил ответ жлоба, которого я спрашивал про Ольгу, на Конотопском кирпичном... Буквально, один в один...

В нокаутированном состоянии, я всё же старался скрыть бушующий внутри меня самум: Все они одинаковы!

— Так что ж мне теперь? Всю жизнь по одной и той же пустыне вкругаля шататься? Я, что ли, Моисей вам?!

— Товарищ Сухов не ори, пожалуйста. Гюльчатая токо-токо заснула.

— Извини, Петруха...

(... при всех различиях в образовательно-интеллектуальном уровне, когда нужно вышибить мозги соседу, мы хватаем старый добрый каменный топор...)

Когда приспел момент выдвигаться на электричку, Жомнир уложил тетрадки моих переводов в один целлофановый пакет — плотный такой получился, увесистый, — и вышел провожать меня на вокзал. Самогон был ахх... ух, какой крепкий, но я помню, как пристучала электричка и с шипеньем распахнула двери на перрон.

Отклонив предложенную Жомниром помощь, я направился в круглый тоннель вагонного тамбура, окаймлённый никельным блеском дугообразных поручней по шатким сторонам. Ухватив левого, я поднялся внутрь, прошёл к противоположной, запертой двери, повесил пакет на головку поручня там. Последнее, что сохранила память — звук двери, захлопнутой где-то там за моей спиной.

~ ~ ~

Исподволь я приходил в себя, всплывая в замкнутое пространство между железных стен тамбура, пока не различил, что всё ещё сжимаю головку поручня левой рукой, возле закрытой двери.

Поезд стоял, тих и неподвижен, как и я, у четвёртой платформы Конотопского вокзала. Пассажиры отсутствовали, поскольку, согласно расписанию, электропоезд 6456 отправлялся дальше (на Хутор Михайловский) через два с половиной часа после прибытия в Конотоп.

Вид пустого поручня под моей стиснутой ладонью вызвал у меня окаменение мышц пресса, прервав тем самым процесс дыхания. Тройка прочих тамбурных поручней в данной клетке также предьявила пустоту.

С хряском раздвигая дверь, я сделал шаг внутрь вагона. Взгляд убежал вдаль — вдоль пустых багажных реек понад окнами. На всей дистанции уцепиться было не за что: тишь, гладь, пустота... Он вернулся вспять, помог мне выйти в тамбур, где я и выдохнул: ххуууу!

Мне не хотелось опускаться на кожаменитель сидений пустой электрички. Через подземный переход и привокзальную площадь, я пошёл в парк Лунатика, на твёрдую деревянную скамью.

Там я долго сидел без каких-либо мыслей, лишь время от времени созерцал себя в роли статуи, тупо застывшей над поручнем, пока они снимали с него целлофан.

Кто?!

Какая разница, не имеет значения... Кто бы ни был, добыча радости не принесла — полнейшая бесполезность. Разве что зажигать растопку в печке; хватит на несколько зим...

Отсидев около часа в контуженом состоянии, я вспомнил, что это день дежурства СМП-615 по охране общественного порядка, и побрёл в опорный пункт дружины, чтобы сидеть дальше — безучастно, молча, отстранённо.

И только когда пришёл мент, я понял что следует делать дальше: «Товарищ капитан, одолжите мне три рубля до следующего дежурства».

— Я рублями не одалживаю, только сутками ареста. Пятнадцать хватит?

Его ослоумие лишний раз подтвердило правильность возникшего плана...

~ ~ ~

На следующий день, мне одолжили три рубля в бригаде, а после работы я поехал в Нежин. Там, в пятиэтажке преподавательского состава НГПИ, на опушке Графского Парка, я нашёл квартиру всегда мило улыбающейся Ноны и сказал, что я потерял переводы Моэма, над кото-

рыми работал несколько лет. Теперь для их восстановления мне нужны оригиналы, все из которых собраны в имеющемся у неё четырёхтомнике. Не могла бы она?

С её всегдашней милой улыбкой, Нона принесла книги, сложила в целлофановый пакет и протянула мне. От необъятной радости, сердце моё забыло стучать — спасибо!

—

— Как тебе это нравится, Мария Антоновна? Этот негідник Огольцов потерял все свои переводы в электричке!

— А вот не надо было так напоить бедного хлопца!

Мария Антоновна тоже не знала, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, проистекают от той недостижимой сволочи, в неопостижимо далёком будущем, которая сейчас валяется на моей спине и, растянувшись, в Китайской палатке, слагает это письмо тебе, посреди тёмного леса возле журчащей, мимо и — дальше, речки по имени Варанда...

~ ~ ~

"Привычка свыше нам дана,

Замена счастию она..."

Эти бессмертные строки великого классика без обиняков намекают, что на третью ходку они меня хапанули исключительно по привычке. Втянулись уже суки по полной...

И в этот раз почти все в СМП-615 знали, что меня со дня на день прикроют.

—

Два года спустя, при случайной встрече на узкой безлюдной тропке вдоль жел.-дор. насыпи, позади спортплощадки инженерного техникума, этим знанием поделился со мной майор в отставке Петухов, тогдашний начальник отдела кадров СМП-615.

Без малейшего нажима, или наводящих вопросов с моей стороны, Петухов поведал, как мастер Ваня чуть не каждый день являлся в отдел кадров, чтобы позвонить психиатру Тарасенко о моих очередных отклонениях.

— Он сегодня утром пел. Может пора?

— Пусть поёт.

— Написал объяснительную записку стихами.

— Какую ещё записку?

— Он каску потерял, а я потребовал, чтоб написал объяснительную. Заберёте?

— Рано.

— Засунул свою рубаху в дыру панели перекрытия и раствором забил.

— Это самое оно! Проследите, чтоб не ушёл.

~ ~ ~

Пение на рабочем месте я себе позволял не ежедневно, но довольно часто.

Порой, особенно когда стройка На-Семи-Ветрах утопала в холодном густом тумане, и мы плыли сквозь него, словно ладья викингов в незнакомо извилистых фиордах, кто-нибудь из нашей бригады просил:

— Спой, Серёга!

"У меня была жена,

Она меня люби-и-и-и-ила,

Изменила только раз,

А потом, потом реши-ила:

"Эх, раз! Да ещё раз! Да ещё много,

много-много-много-много-много раз..."

Однако «Цыганочке» Высоцкого наша бригада (почти единогласно) предпочитала его же «Балладу о Гипсе»:

" И вот лежу я на спине — загипсованный,

Кажный член у mine — расфасованный!..."

Но каску я не терял, а просто шиканул джентльменством. Я тогда шёл среди стройплощадок «строительных угодий» и, возле крупноблочной девятиэтажки, увидел пару штукатуриш из ПМК-7. Они какие-то цветочки собирали в свежей зелени травы. Скорее всего одуванчики, судя по жёлтой махровости.

Штукатуриши спросили у меня целлофановый пакет, которого у меня не было и, широким гусарским жестом, я швырнул свою каску в траву под ногами дам, чтоб собирали типа как в лукошко. Потом ведь ещё и показал даже наш коричневый вагончик, чтоб знали, куда возвращать головной убор. Я видел их в первый раз, а свою каску — в последний...

На всю нашу бригаду в каске работал только я, вот Ваня и прицепился со своей объяснительной. Но называть «стихами» то, что я ему накропал — это наглая лесть, там, в лучшем случае, верлибр был...

А вот насчёт рубахи, это — да, тут я вляпался по полной. Недальновидно дал поблажку своей склонности к самодельным ритуалам, потому что наступил первый день лета. Ну как можно не откликнуться на событие? Летом, даже если под спецовкой одета только майка, всё равно паришься по чёрному. Летом рубаха — лишний элемент.

Ту зелёную рубашенцию из какой-то жмаканой синтетики я носил шесть лет, а она никак не снашивалась, падлюга. Но потеешь в ней как в любой другой синтетике, несмотря что жмаканая.

~ ~ ~

И вот, 1-го июня, я выступил из вагончика, словно свободный художник Монмартра в его зелёной накидке, что живописно обнимала своими рукавами мою чёрную спецовку, надетую, в свою очередь, на мой голый торс.

Я поднялся на этаж текущей захватки, и похоронил накидку в одной из всё ещё не забитых дыр какой-то из панелей перекрытия, среди незавершённых стен... Мусорных баков на стройке отродясь не бывало, а просто бросить в очко дощатого сортира рука не поднялась — столько лет вместе потели...

Потом я ушёл на третий этаж соседней секции, где в одиночку клал поперечную, с венканалом, пока не появился Пётр Лысун позвать меня к вагончику. По дороге, он почему-то отводил глаза и говорил на отвлечённо ботанические темы.

Все эти странные симптомы вылетели у меня из головы, когда перед вагончиком я увидел УАЗ «буханку», а в придачу здоровенного мента в фуражке с красным околышком, под командой психиатра Тарасенко в строгом деловом пиджаке...

Наша бригада, вместе с прорабом Карениным и мастером Ваней, образовывала неровный полукруг лицом к посетителям.

—

Тарасенко объявил присутствующим, что моё поведение всегда отличалось ненормальностью, а сегодня я переступил всякую меру несанкционированными похоронами рубахи в дыре бетонной плиты. Затем он демократично поинтересовался у трудящихся масс, какие ещё аномалии за мной замечались.

Народ безмолвствовал... Кто-то из женщин попыталась объяснить, что рубаха была совсем струхлялая, а Тарасенко, пресекая жалостно-лишние уклоны на отвлечённости, приказал мне зайти в вагончик и переодеться.

Я беспрекословно исполнил, а потом поднялся в буханку», в трюме которой оказался уже какой-то дополнительный алкаш, и нас увезли...

—

Во время стоянки возле Медицинского Центра, алкаш завёл пламенную агитацию рвать когти в разных направлениях — мент не сможет гнаться сразу за двумя. Я отмалчивался, понимая, что лучше 45 дней под шприцами, чем пожизненно в бегах.

Потом к нам присоединился молодой вертухай в гражданке, а также ещё один алик и нас, по наезженной дорожке, повезли в город Ромны.

В пути мы завернули в какое-то придорожное село, принять дополнительный груз из пары старух в трагично-чёрном одеянии и встревоженного мужика, который клялся, всем по очереди, что ничего не помнит, что вчера было.

По прибытии в психбольницу, нас развели в разных направлениях и, непонятно зачем, мне сделали рентген в лежачем положении. Возможно, для пробы только что установленного оборудования... Никого из алкашей я больше не видел, такими случаями занимается третье отделение, ну, а я — инвентарь пятой...

~ ~ ~

И снова Площадка стала аренной ежедневного промывания моих мозгов через зад, сменяясь ночным отдохновением в переполненной палате... Из знакомых, во всех категориях не достигших абсолютной свободы, я увидел только Сашу, который знал моего брата Сашу, но он уже совсем не просыпался.

Как ветеран и во имя человеколюбия, я обратился к заведующей с мольбой заменить мне уколы аминазина на аминазин в таблетках. Она обещала подумать и (за десять дней до окончания моего срока) отменила третий, заключительный укол на ночь. И за это, вот только что, имя её всплыло в моей благодарной памяти — её звали Нина.

Более ничего примечательного не произошло, кроме того, что я узнал, как оказывать первую помощь в случае припадка эпилепсии.

—

Эпилептика надо схватить за ноги и отволочь с Площадки в тень под навесом. Там он тоже будет биться спиной о землю, однако темп начнёт постепенно снижаться, возбуждение утрачивать интенсивность до полного стопа.

Некоторые полудурки полагают нужным прихлопывать мух у него на лице своими грязными лапами. Однако на течении припадков это мало сказывается, если вообще хоть сколько-то...

~ ~ ~

Единственно, о чём Петухов не сообщил мне на той узкой тропке под высокой железнодорожной насыпью — с чего это меня взяли под колпак неусыпно пристального наблюдения. Однако в том не было нужды, причину я знал не хуже всякого другого.

Причиной стала реконструкция роддома — длинной двухэтажки у перекрёстка улицы Ленина и спуска от Универмага. Каждая строительная организация Конотопа исполняла свою часть работ. СМП-615 достались перегородки и пара санузлов на первом этаже правого крыла. Исполнителями стали четыре штукатуры и я. Мы уложились в одну неделю.

—

Когда женщины уже штукатурили положенные мной перегородки, в коридоре появился мужик в чистом костюме и при галстукке. При виде четырёх ядрёных баб, посетитель начал распускать свой хвост на фоне и за счёт занюханного подсобника, который подавал им раствор.

Я вежливо попросил его умерить пыл и не кашлять во всех направлениях.

— Да ты знаешь на кого пурхаешь? Я — Первый Секретарь Горкома Партии!

— А я каменщик четвёртого разряда.

— Ну ты получишь!

Он ушёл, а полчаса спустя, в коридор влетел взмыленный главный инженер, потому что он ещё и председатель партийного комитета СМП-615: «Как ты смел материть Первого Секретаря Горкома Партии?!»

Штукатуры в один голос громко засвидетельствовали, что никакого мата не было. Главного инженера это не утешило, однако он ушёл.

—

Вот и всё. Проще не бывает — самец с рычагами власти, против самца в заляпанной раствором спецовке.

Но что обидно, обидно до боли, так это облыжное обвинение в использовании ненормативной лексики. На протяжении своей карьеры в СМП-615, я праведно воздерживался от подобных слов — даже в глубине души! Грузчики со стажем удивлялись моей способности разгрузить вагон леса, ну, в смысле стропы заводить, подвешенные на крюку крана, и при этом ни разу не вымолвить «у, бля!»...

~ ~ ~

Наступила осень и, намыливаясь в бане, я вдруг заметил, что мой живот стал выпуклым как жёсткие надкрылья майского жука и, так же как они, — не поддаётся втягиванию.

Вскоре и мать моя заметила, что у меня начал отвисать второй подбородок. После одного из поздних обедов на Декабристов 13, она положила руку мне на плечо и радостно объявила: «Толстеешь, Братец-Кролик! И никуда не денешься — ты из нашей породы!»

Я не ответил на улыбку её круглого лица, под которым — (я знал это не глядя) — расширяется ещё более круглая фигура, и отмолчался. Но стать круглой породой и превращаться в жиртрест мне никак не хотелось. Я не поддамся их аминазину!

Требовались радикальные меры.

Начать с тех самых вечерних обеду-ужинов на Декабристов 13, где моя мать искусно взгромождала две порции риса или картошки на одну тарелку. При этом всё так вкусно, что, сам не замечая как, — съедаешь без остатка.

—

Отказ от хлеба стал первым шагом в моей борьбе за стройность. Ланна, хаваю — сколько навалите, но хлеб есть не обязан и не хочу. Так что я убрал его из своего рациона. Даже в столовых.

Хотя насчёт «не хочу» — полная брехня, хлеб я всегда любил, особенно ржаной, а уж тем более, когда тёплый. Я мог приговорить целую буханку такого хлеба без ничего, повторяя в уме отцову поговорку:

«Хлеб мягкий, рот большой, откусишь, — и сердце радуется».

Через месяц, убедившись, что бесхлебная диета полная фигня, я просто перестал ездить в столовые в обеденный перерыв. Что и восстановило нарушенный баланс. Завтрак в столовой, плюс две порции позднего обеда составляют традиционно трёхразовое питание.

В обеденный же перерыв, по меткому определению нашей бригады, я хавал «ВСЕСВІТ», который раз в месяц приносил в вагончик каменщиков, для заполнения перерыва чтением.

В результате, перед Новым годом всё в той же городской бане по ту сторону площади Конопотских Дивизий, я с гордостью обозревал своё впалое, как у здорового волка, брюхо. Мне всегда нравилась именно такая его форма...

Нарцисс вогнутобрюхий...

~ ~ ~

(... есть масса слов, которые ты как бы знаешь — слышал, читал и даже выговаривал не раз. Но про значение лучше пусть не спрашивают. Впрочем, особо вездливые падлы не каждый день встречаются, вот и толкуешь тебе известные (типа ж как бы вроде) слова по своим персонально смутным понятиям...

Слово «аскетизм» — один из самых курьёзных примеров того, насколько людям не доходит, что они плетут, когда разговаривают. 90% населения, которым слово «аскет», ну, как бы типа ясно вроде, вообразят изношенного самоистязанием мужика, с ключьями нечесаной бороды вокруг горящих глаз. Это настолько же неверно, как словом «спортсмен» обозначать одних лишь сумоистов.

На самом деле, смысл корневого слова «аскеза» не что иное, как «тренировка».

Если, лелея честолюбивые мечты о победе в пивном турнире, ты ежедневно хлопаешь три литра пива — в целях тренировки и поддержания надлежащей формы, то ты — аскет.

Как и соседская девочка, что каждый божий вечер пиликает скрипичные гаммы за стеной твоей квартиры. Да распротреби ж твою аскезу со всеми теми бя... то есть... си-блямоль-дие-зами!

Таким образом, аскет-отшельник, готовящий себя к жизни грядущей на небесах, всего лишь частный случай среди остальных аскетов.

Аскеза может быть затяжной или краткосрочной, в зависимости от её цели...)

А и какие же — скажите мне на милость — цели заставляли меня ревностно держать себя тощим как швабра, и каждый будний день выписывать незнакомые слова из газеты Morning Star?

Как я уже слегка пытался объяснить, с конкретными деталями к общим планам у меня всё несколько туманно — я просто чувствую, что так надо, потому и делаю так...

--

За выписками из Morning Star требовался глаз да глаз. При встрече непонятого слова, о котором я стопроцентно знал, что мне оно уже попадалось, так и подмывало пропустить — да, ну, точно ж было!

Однако означает что?

Рыться в кипе исписанных тетрадок — нудно, легче заново посмотреть в словаре и выписать его значение. Поэтому и попадались такие слова, про которые мне наизусть известен был даже номер страницы в «Chamber's Dictionary», где они стоят совместно с их значением, забытым мною.

И это память называется! Просто решето — тут помню, а тут не помню. Вот до чего доводит человека аскетизм, когда ты без понятия — на кой оно мне ваще надо. И словно робот повторяешь определённый набор действий, а сам без понятия — зачем...

~ ~ ~

Происшествие того вечера нисколько не ввело меня в соблазн, хотя и изумило. И оно вовсе не являлось искушением с её стороны, она всего лишь выдвигала требование на исполнение мной родительского долга.

Перед Леночкой я был кругом в долгу: никогда не брал её на руки, не сажал к себе на колени, не ерошил ласково волосы, не гладил щёку, не говоря уж про прочие «не», которые я ей задолжал. Мы просто жили в одной хате, где ей когда-то сказали, что я — её папа, но какой из меня, в сущности, отец? Так — сухая формула. Бесконтактный символ.

Конечно же, я не отталкивал её, а иногда мог даже увлечься разговором с нею, но для ребёнка этого, наверное, мало; и для отца такого мало, наверняка... Однако так уж сложились мои отношения со всеми и каждым из моих пятерых детей...

~ ~ ~

Когда родилась Леночка, я просто не созрел ещё для роли отца. Папа в восемнадцать лет? При всём уважении к Лебедю Эйвона, это просто смешно.

Затем нас развели стройбат с институтом.

При появлении на свет тебя, я уже годился в отцы и любил тебя беззаветно, но чересчур недолго — моя репутация разлучила нас.

Рузанну я встретил в её шесть лет. Она всегда звала меня папой, и я любил её как дочь, но только лишь при её отъезде в Грецию, к мужу Апостолосу, мы обнялись с Рузанной в первый раз, на зависть водителю маршрутки Степанакерт-Ереван:

— Бола цес ли! Ушанум ынк!

Последствия всё той же хронической, проклятой бесконтактности...

Ашота и родившуюся после него Эмку я не мог обнимать и ласкать — ведь рядом была Рузанна, которой ничего такого от меня не досталось; и вышла бы несправедливость. Вот так отец пятерых детей остался всего лишь формальным папой. Бедные дети!

Но жалеть одних только их нечестно! А как же я, проживший жизнь лишённым детского тепла и ласки?

Кроме того единственного случая, когда четырёхлетняя Эмка разбила голову во дворе нашего недостроенного дома, в попытке повторить номер артистов Китайского цирка, который видела по телевизору.

—

Кровь промочила её волосы и запачкала плечо моей рубахи, когда я нёс её на руках в бывшую областную, а на тот момент уже республиканскую больницу, рядом с роддомом. Невесомый испуганный птенец, прижавшийся к моей груди, в ожидании чего-то неведомо страшного, она совсем не плакала, верила — раз папа рядом, всё будет хорошо.

(... дети в таком возрасте смотрят на своего отца как на Бога, а потом вырастают и становятся атеистами, потому что Всемогущий, оказывается, всего-навсего упрямый морщинистый сморчок, и к тому же совсем ничего не понимает в жизни...)

Медсестра травматологии обработала рану, и дежурный врач выписал антибиотики. Через два дня, когда я привёл Эмку на повторную проверку, он орал на меня, доказывал какой я жмот, — экономлю на лекарствах для собственного ребёнка! Идиотизм не лечится, и тут никакой диплом не поможет.

Конец месяца в конце 90-х, до зарплаты полторы недели. Я брал хлеб в ближайшей лавке под честное слово, и продавец Размик меня даже не записывал в свою тетрадку неимущих должников. В аптеках же лекарства в долг не отпускали...

—

В получку, отстояв очередь к университетской кассе, я первым делом относил долг чести, остальные, до последней лумы, отдавал Сатик. Какие там «зачачки», всё равно, в конце месяца придётся выпрашивать хлеб у Размика...

Кстати, нет ничего проще, чем создать университет. Берёшь степанакертский педвуз и именуешь его государственным университетом, только и делов.

Туда я устроился, когда меня вышибли из Верховного Совета. И правильно, война — в официальном ракурсе — закончилась и госруководство имело полное право выяснить — кто ж это у них тут в аналитиках ходит, с такой наглой мордой?

Но это лишь наружно, а внутри я боялся как любой и каждый, но просто сдерживался, и при взрывах не рысил в бомбоубежище в подвале, а только крючился в углу своего кабинета, подальше от окна. И ровно в 18:00 покидал здание бывшего обкома партии, чтобы размеренным шагом топтать, под грохот канонады, вдоль пустых улиц домой.

Во-первых, какая разница? А во-вторых, невозможно же угадать где взорвётся следующий снаряд или ракета, или бомба...

~ ~ ~

На должность аналитика меня принимал Артур Мкртчян, первый Председатель Верховного Совета НКР, до того как его казнили под видом самоубийства, чтоб остальным неповадно было послушаться Большого Брата.

Ну да, как бы пускаешь себе пулю в лоб, потом прячешь гильзу и аккуратно чистишь пистолет.

Однако из Еревана прилетел более высокопоставленный дознаватель и объяснил, как такое возможно. И жена Артура отказалась от своих показаний про черноволосого гостя, который постучал к ним в квартиру за две минуты до трагедии, потому что ей ещё сына растить надо, а это сложно для матери-одиночки.

Теперь подправленная из Еревана версия утверждала, что весь тот день она провела в спальне с высокой температурой, и ничего не слышала. Вообще.

Да, жильцы соседних пятиэтажек замечали, как выбежала она на балкон своей квартиры с криками «убили!», вслед КАМАЗу без кузова и номерных знаков, который покидал общий двор. Однако в материалах следствия ничего такого нет, потому что соседей никто не опрашивал.

Так что, сын её вырастет, получит диплом местного университета, а там и не пыльную должность в тихом учреждении. «Республиканское Управление по Охране Памятников» или типа того. А потом женится, и когда жена родит сына, назовут его Артуром в честь дедушки.

Я так себе думаю...

~ ~ ~

С Артуром Мкртчяном общаться мне практически не довелось, чересчур быстро всё происходило. Он вызвал меня, безработного сотрудника покойной газеты СОВЕТСКИЙ КАРАБАХ (впоследствии АЗАТ АРЦАХ), и дал мне должность аналитика-переводчика в Пресс-Центре при Верховном Совете НКР.

Через вторые руки, я узнал, что человек он был жизнерадостный и немного странный, сам знайши, мог ни с того ни с сего засмеяться, даже без свежего анекдота про Вартаника и Учительницу Марго.

Степанакерт окружён, полгорода в руинах, люди в подвалах живут, Карабах в блокаде, а он ни с того ни с сего — смеётся!

Но всё равно, я у него в долгу и всё ещё продолжаю анализировать. За бесплатно...

Кто Убил Артура Мкртчяна?

Чернявый из КАМАЗа не в счёт, а то можно скатиться до обвинений сплаву, из которого отлита пуля. Нет, убийца — тот, кто говорит, кого убить, и вкладывает оружие в руки палача.

Версия 1:

До войны, в деревне, где Артур работал школьным учителем, он кого-то обидел и, пользуясь неразберихой войны за независимость, обиженный свёл счёты. Разборка на районном уровне.

(Отпадает полностью, с учётом стараний выставить его смерть самоубийством.)

Версия 2:

Обиженный — Ереванская шишка, со связями в местной Службе Национальной Безопасности. Разборка на республиканском уровне.

(Не исключается.)

Версия 3:

У обиженного имеются рычаги в Федеральной Службе Безопасности России, которой Служба Национальной Безопасности Армении не подчинена, но обе — один и тот же КГБ под разным макияжным соусом. Разборка на федеральном уровне.

(Не исключается.)

—

На тот момент борьбы за независимость Нагорного Карабаха, берущей истоки в щедром даре этой части Закавказья, населённой Армянами, Советскому Азербайджану со стороны Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) Сталина И. В. — Верховный Совет самопровозглашённой Республики Нагорный Карабах размещался в здании бывшего облисполкома, рядом с круглым сквером «Пятачок».

Пресс-Центр ВС НКР занимал одну комнату с одним окном, одной дверью и двумя здоровенными столами (да, составлены буквой «Т»), на втором этаже направо от лестницы. В штате ПЦ при ВС НКР числились: глава Пресс-Центра, Гегам; его секретарша, Агавни; оператор профессиональной видеокамеры, Беник; водитель белой «Нивы», Размик; и аналитик-переводчик, Сергей.

В комнате постоянно толпился густой сигаретный дым, вперемешку с корреспондентами мульти-национальной масс-медии, представленной компактными группами и бесстрашными одиночками с фото- и видеокамерами, рюкзаками и прочим снаряжением, необходимым при посещении горячих точек планеты.

Прибывали они главным образом из бывшего братского лагеря социализма, который накрылся развалом Берлинской стены и преобразился в свободные государства Восточной Европы. Их тянуло убедиться, что злой тараканище СССР и впрямь кирдыкнулся.

Хотя снаружи уже так и так видно было, что Союз нерушимый Победившего Социализма с Человеческим Лицом (правильное погоняло, чтобы не путать ни с моделью Шведской подделки, ни с отвратительным Китайским ширпотребом от Председателя Мао) кондрашка трахнула по полной, что рухнул он таки, и развалился.

Всё так, но Карабахские Армяне, которые первыми поднялись против Советской машины террора, сходясь на массовые митинги на главной площади Степанакерта перед зданием Областного Комитета КПСС, ещё не выветрились из памяти поставщиков новостей.

(Преимущественно в странах Восточной Европы, нелишне снова подчеркнуть. Однако мудрые редакторы информационных каналов любой державной принадлежности чётко знают, что новости из горячих точек, где людей кромсают бомбами, ракетами, а хоть и ножами — всегда востребованы. Осознание, что есть кто-то, кому хуже, чем тебе, несёт положительный заряд и мотивацию барахтаться и дальше в дерьме нашего лучшего из миров. Война за независимость, как и всякая другая, стимулировала туризм с корреспондентской подкладкой.)

Ну, а в самом начале, толпа заполнила площадь Ленина. Люди скандировали «Тре-бу-ем! Тре-бу-ем!». Они держали в руках плакаты с изображением стиснутого кулака. К нему в дополнение живые кулаки вскидывались над толпой в ритме «Тре-бу-ем!»

В целях соблюдения международных норм, предусмотренных для подобных ситуаций, Областной Исполнительный Комитет Нагорно-Карабахской автономии принял резолюцию об отправке в Баку, Москву, и Ереван прошение о передаче Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армянской Советской Социалистической Республики. Ежедневные митинги на главной площади продолжались, но вскоре им положен был конец.

Чтобы пресечь демонстрации в Степанакерте, ни водомёты, ни слезоточивый газ не применялись. Явление, неслыханное за все времена Советской власти, получило отпор дистанционный, — в городе за 4 сотни км от площади Ленина с плакатами «Тре-бу-ем!».

Сумгаитская трагедия. Три дня и три ночи погромов в городе на расстоянии 35 километров (27 - 45 минут) от Баку, столицы Азербайджана. Три дня убийств, пыток, изнасилований, швыряния людей с балконов их квартир, волочения за мотоциклом удушенного петлёй младенца. Да что угодно.

Это было немислимым, подобные зверства могли случаться лишь в далёкой Руанде или Джакарте, но не в пределах нашей общей и единой Родины.

Три дня и три ночи геноцида, когда ломают дверь твоего дома, творят несказанные зверства над твоей семьёй, у тебя на глазах, прежде чем убить тебя на том основании, что твоя фамилия кончается на «-ян».

Причём в озверелых бандах тоже попадались «-яны», потому что Сумгаит, город молодых нефтяников, строился ээками и многие остались там же по окончании срока, в лучших традициях Советского градостроения: Зона закладывает основы будущих городов.

Когда экс-ээков и «химиков» спустили с цепи, множество Азербайджанских граждан примкнули к ним, другие Азербайджанские граждане укрывали своих соседей Армянского происхождения. Человечность и национальность — вещи разные.

После трёх дней и ночей выжидающего пребывания в полной боевой готовности, подразделения Советской Армии восстановили в городе порядок...

В конце того же года Михаил Горбачёв был избран первым Президентом Советского Союза, который тут же лопнул и распался на множество независимых государств, потому что слишком много появилось мест, где люди начали скандировать «Тре-бу-ем!»

~ ~ ~

Короче, СССР рухнул, и Армянам Нагорного Карабаха пришлось защищать свою землю и жизни в войне за независимость, а всевозможные корреспонденты международной (в основном Европейской) масс-медии прибывали из Еревана (столица независимой республики Армения) в Степанакерт (столица самопровозглашённой, но так и не признанной Республики Нагорный Карабах) ночными вертолётами, чтоб не подвергаться риску быть сбитыми при полёте днём среди тумбов (Карабахских гор).

Они приходили в Пресс-Центр ВС НКР и вручали свои визитные карточки Гегаму, который сваливал их в ящик своего стола, поверх залежей точно таких же кусочков бумаги.

Теми же ночными рейсами прилетали (с меньшей регулярностью) активисты различных политических партий и движений, что расплодилось в регионах и столицах бывшего СССР, чтобы сколотить свой персональный политический капитал типа «Я даже в Карабахе побывал!»

В Степанакерте той поры ни гостиниц, ни ресторанов не было, зато сколько угодно артиллерийских и ракетных обстрелов и авиационных бомбардировок, так что посетители обеих категорий надолго не задерживались.

Кроме двухметрового блондина Викинга из Голландии, который заблудился в тумбах, и был захвачен Азербайджанской стороной, но через неделю его привезли в тот же лес, и показали дорогу в ближайшую Армянскую деревню, потому что представители масс-медии и международного сообщества направили властям Баку бурную ноту протеста на его счёт.

~ ~ ~

Чемпионом по продолжительности пребывания стал инженер из Москвы, приехавший проведать родственников. Он продержался в Степанакерте 10 дней.

Родители увезли его в Москву ещё ребёнком и, по ходу своей марафонской побывки, он иногда заглядывал в комнату Пресс-Центра, чтобы подтащить стул от стены комнаты к моему концу стола для подчинённых, и поболтать на Русском, который давно уже стал его родным языком. А остальная Греко-Чехо-Голандо-Эстон-(да что угодно)-ская толчея грудилась вокруг стола Гегама, курили свои сигареты и оживлённо галдели на Масс-Медийном.

О! Прошу прощения! Голландец оказался некурящим...

В общем, инженеру хотелось собеседника без акцента, а его родственники подобной роскоши ему не предоставили. Хотя, возможно, имелись и скрытые причины тоже, скажем, найти ответ на мучительный вопрос:

Зачем он тут?

Вот и понадобилась ему моя помощь, так сказать, специалиста. Ведь аналитику по должности положено находить ответы, не так ли?

~ ~ ~

Случай развивался следующим образом: один из многих инженеров, на одном из многих Московских предприятий, почти автохтонный Московский Армянин, в конце рабочего дня мирно покидает производство через проходную, и получает неожиданное предложение сесть в ожидающую машину «Волга» чёрного цвета.

Отвозят в КГБ (его язык не привык ещё произносить это как «ФСБ»). В очень просторном кабинете ему вежливо предлагают навестить своих родственников в Степанакерте, сумма на дорожные расходы выделена, дирекция его завода уже подписала приказ о предоставлении ему отпуска на неопределённый период.

А какое его задание? Никаких заданий, кроме как пожить у своих родственников, по которым он тосковал, с тех самых пор, как переехал в Москву, в возрасте четырёх лет.

И вот он тут, глотает чуждый ему сигаретный дым, заглядывает мне в глаза и вопрошает в общем гвалте: «Зачем?»

Два дня спустя после убийства Артура он зашёл проститься, ему просемафорили, что пора вернуться в Москву. И вот он уходит, унося в глазах недоуменное: «Зачем?»

~ ~ ~

Для моего, сугубо личного пользования, я дал ему рабочий псевдоним «Метеозонд». Есть такие воздушные шары, оснащённые аппаратурой для запуска в верхние слои атмосферы и регистрации текущих метеорологических условий в упомянутых слоях.

Когда вернётся в Москву, его опять бесплатно покатают на вежливое собеседование в просторном кабинете. Ничего не значащий разговор о том о сём, потому что метеозонду незачем знать о данных, доставленных его записывающим устройством.

А может и совсем кратким выйдет разговор, чистая формальность, сам знайиш. Какой резон углубляться в завершённую миссию? Молодец брүнет из Армянского КГБ! тьфу, пропасть! как бишь?.. Ну, СНБ, то есть, Служба Национальной Безопасности независимой Республики Армения...

~ ~ ~

Идёт секретное заседание Верховного Совета Республики Нагорный Карабах. Нагорный Карабах в плотном кольце блокады. Силы Азербайджана, широко применяя ракетные установки ГРАД, ведут обстрелы Степанакерта. Деревни, в упорных боях, переходят из рук в руки. Нужно горячее, нужны боеприпасы...

Особо тревожащая новость — Азербайджан пытается договориться о поставках тепловых ракет типа земля-воздух, тех самых, которыми вытряхнули СССР из Афгана. Доставка топлива и амуниции вертолётами под угрозой.

(Как выяснилось позднее, покупателем выступала Чечня в их первой войне с Россией, но два эмиссара Чеченца были убиты в Лондоне агентом Армянской СНБ. Британской полиции удалось арестовать агента, однако в тюрьме он отравился цианистым калием, полученным в передаче хлеба от посетителя. «Я не хочу, чтобы пострадала моя семья, у КГБ слишком длинные руки». — Было его последними словами перед успешным приёмом полученной дозы.)

Необходима «дорога жизни», срочно нужен «коридор», связующий Карабах с Матерью Арменией, а для этого нужно занять город Лачин, он контролирует 50-километровый отрезок шоссе до Армении.

И тут Артур засмеялся. Кому нужен Лачин? У нас Иран под боком. Открытие коридора в том направлении не потребует людских потерь. Так мы создадим коммуникацию с внешним миром, с Армянской Диаспорой...

—

Через полмесяца Артура не стало. Он захотел слишком много — самому решать, как бороться за независимость, а не исполнять указы из просторных кабинетов, заведомо ведущие на убой тысячи молодых парней.

Но Версия 3, она и в Карабахе — Версия 3.

~ ~ ~

Вот почему следующий, и. о. Председателя обратился в КГБ, чьи структуры не накрылись обломками рухнувшего СССР, а стали наднациональными (несмотря на его переименование в бывших Советских республиках). Сохранился единый и неделимый Центр и нетленные архивы КГБ.

Так что упомянутому и. о., скорее всего, Большой Брат вставил клизму за такой небрежный подход к подбору аналитических кадров при Верховном Совете совершенно независимой Республики Нагорного Карабаха. Либо же (чтобы не корчить из себя чересчур Всеведущую цацу), решение было принято на местном уровне, на основании старой доброй ксенофобии.

Тем более что, как инородцу, мне следовало себя сдержаннее проявлять.

В те поры, тут крепко все ударились в создание госатрибутики: сплошь министерства, законодательные собрания, гимн, флаг, тыры-пыры. Ну, и подошло одно высокопоставленное лицо за советом от профи аналитика: «Имеется ли у НКР шанс стать международно признанной?»

Но я ж, по наивности, ответил от души, хотел, как лучше.

Да — легко! Ты, как законодатель, создай такие мудрые законы, чтоб весь Азербайджан плюнул на своих правителей и прибежал бы наперегонки — просить у тебя Карабахского гражданства. А дальше и остальные подтянутся, — от Москвы до самых до окраин.

Обиделся, наверно, а я ведь не шутил. Верил в то, что говорю, не предполагал, что вся независимость выльется в 35 министерств на 50 тыс. тягловых шей трудоспособного населения... Зря он обиделся.

—

Как бы там ни было, меня сократили. Слишком экстравагантное излишество для условий мирного времени. Спустя неделю, на моём месте был создан аналитический отдел из 35 работниц, который возглавил известный местный филателист. Но очень умный.

И, разумеется, размер штата не остановился на достигнутом, чтобы отвечать велениям времени, так как не все ещё родственники успели вернуться из эмиграции в Москве и Ереване...

Может, где-то в Англии чиновник — слуга общества, а у нас — это, гнида кровососная на теле народном. И не сколупнуть сучар — они на это издавна учились...

~ ~ ~

Все стёкла в каждом из окон Государственного Университета были, безусловно, вдреизг, после всех тех бомбардировок. Однако три окна в кабинете Ректора восстановили, а все прочие затянули виниловой плёнкой.

Ветер — вполне предсказуемо и запросто — все эти полупрозрачные заплатки прорвал, а как только он усиливался, виниловые ключья восторженно аплодировали своему герою, из каждой оконной рамы.

В аудиториях установили жестяные ящики печечек, а от них жестяные трубы на улицу, для которых по утрам Завхоз Университета выдавал по два полена старостам групп, из сарая во дворе. Зима же всё-таки.

К середине второй пары печечки становились холодными как лёд, бездельные ржавые ящики с мёртвым пеплом, и девушки-студентки начинали жаловаться, что они тоже мёрзнут. Студенты-юноши, правда, не жаловались, по причине отсутствия. Они мёрзли в траншеях на передовой, ну и что, что война кончилась?

И тогда я отдавал девушкам приказ: «Стройсь! По кругу шагом... Арш!» И они маршировали вокруг Печечки, скандируя то или другое упражнение из брошюрки сборника, жёлтого от дряхлости, изданного для вузов СССР в 1957 году.

А когда начинали ныть, что у них уже голова кружится от хождения по замкнутому кругу, я командовал: кругом! и шагом марш! В противоположном направлении.

Они хихикали, но подчинялись и скандировали дальше... Типа Перипатетической Методологии фельдфебеля Огольцова, однако помогала продержаться до простуженного трезвона в ветровейных коридорах.

—

Блин! Куда это меня повело опять?! Ага, вспомнил — дети цветы жизни...

~ ~ ~

Но хватит отвлекаться, вернёмся к попытке Леночки исправить мою вопиющую неприкосновенность и её неимение нормального папы...

Она вошла в комнату и уселась ко мне на колени, вклинившись между столом (с раскрытыми словарём, тетрадкой и номером Morning Star поверх него) и мною.

Обернув лицо вверх, она подняла руку и приложила маленькую ладонь к моей ежеутренне бритой щеке. Наверное, хотела научить зааскетированного папашу, как это делается.

(... что оттолкнуло меня? Боязнь скатиться к инцесту? Невозможно, при моём встроенном робото-самоконтроле.

Скорее всего, жалостливая улыбка на её лице, говорившая «ах, ты, бедняжка!», вздыбила мою шерсть...)

— Ну, хватит, Леночка, мне надо работать.

Улыбка сменилась выражением угрюмой злости, и она принялась мстительно подпрыгивать, всё так же сидя на моих коленях.

— Что?! Размечталась о сладких пирожках? Не рано ли? — И я встал на ноги, бездушный робот, руша платформу и возможность продолжения подскоков.

—

Через пару дней, вернувшись с работы, я заметил перемену на моих полках. Там появилась чёрная дыра.

Высокая скула в лице Иры (на любительском фото посреди ручья) пробита насквозь. Инструментом этого вандализма, а может, даже и Вудуизма, послужил острый карандаш или, возможно, шариковая ручка. Вопрос «кто?» у меня не возникал. Какая разница?

— Леночка, поди-ка сюда!

— Что?

— Как отец, я обязан заботиться о твоём образовании, чтобы ты разбиралась: что есть что. Посмотри на фотографию на полке.

— Что?

— Вот это называется «подлость».

— Это не я.

— Я не говорю, что ты. Просто запомни, что такое «подлость». А кто её сделал уже неважно.

—

Фотографию пришлось отнести в фотоателье напротив Лунатика. Фотомастер Артур, молодой Армянин, который специализировался на переносе свадебных фотопортретов на керамику, сказал, что это поправимо. Только я попросил увеличить результат реставрации до размера настенного портрета, оставив всё как есть, и ручей тоже...

Для восстановленного и увеличенного фото, я купил картонную рамочку, и поставил обратно на полку.

Узрев портрет на том же месте, но значительно прибавившим в заметности, мать моя глумливо хохотнула, что и осталось единственным её комментарием.

Дополнительных бесед с педагогическим уклоном мне больше не пришлось вести, а фотография так и стояла в полной неприкосновенности, потихоньку собирая пыль...

~ ~ ~ Сбылась мечта? Сочувствую, братан

Незадолго до дня рождения своего первенца Андрея, моя сестра Наташа пожаловалась, что негде найти игрушечную железную дорогу. Если я помню тот большой круг, собиравшийся из рельсиков, по которым бегал крохотный поезд у нас на Объекте...

Конечно же, я помнил прекрасную игрушку и принял жалобу за повод вырваться из повседневной колеи Конопотской жизни. Ведь я вполне даже любящий дядя! Просто малость неудобно у Наташи спрашивать: это Андрею два или три года стукнет?

—

Для начала я махнул в Киев. Продавщица специализированного универмага «Детский Мир» угрюмо сидела за прилавком, скрестив руки под чёрной телогрейкой разнорабочих, накинутой поверх её специализированно синей униформы. Её слегка потешило моё оповещение, что «хбчу паравбза».

Она хмыкнула и ответила по-селянски, чтоб мне, деревенщине, скорее доходило:
— Паравоза немає.

Что, впрочем, меня ничуть не удивило — сказанное Наташей следует принимать как объективную данность реальности, без вариантов и траты времени на лишние сомнения...

Следующей деталью, которой пришла очередь нарисоваться в плане, стала столица нашей общей Матери-Родины — Москва... В Москву! В Москву! — тянулись караванные пути, протоптанные потребителем, изнемогающим в полупустыне хронических дефицитов на голых полках торговых площадей...

В столичном «Детском Мире» нашлись паровозики с вагончиками и рельсиками, стрелками, мосточками для миниатюрного поезда с питанием от малипусенькой батарейки.

Добычу я отвёз на Киевский вокзал, в автоматическую камеру хранения, и вернулся в центр — урвать свою долю культуры, доступной лишь гостям и жителям столицы.

В билетной кассе Большого Театра мне объяснили, что за билетом в их Гранд-заведение следует чесаться за пару недель до представления. Все культурные люди так делают.

Уже не в одиночку, но в компании с огорчённостью разочарованием, покинул я прихожую прославленного очага, нефиг рассчитывать на обогрев спонтанно любящим дядьям.

На тротуаре рядом с неприступным объектом культурного наследия мне встретился стеклянный куб, чьи стены наглухо позарастали изнутри плотной коркой всяческих афиш, скорее всего, бумажных. У этой избушки без курьих ножек имелось окошко для торговли билетами в театры и концертные залы Москвы.

На предстоящий вечер, мне был предложен выбор: концерт звёзд эстрады в Кремлёвском Дворце Съездов, либо концерт джаз-группы в Центральном Театре Советской Армии.

Да, одно из двух, но мне ж не разорваться. Придётся отказываться от чего-то одного и ограничить выбор редкой возможностью посетить Кремль и насладиться всей той зевотно муровой преснятиной, что год за годом булькает из ЦТ-канализации, или же... ну, и в чём тут трагедия?

— Конечно джаз!

—

(...говорят, что вокзал в Чернигове построен при Немцах, во время оккупации. И я верю таким говорильщикам. Почему? Хотя бы только за то, что им не капает зарплата за их говорение, в отличие от поденщиков текучки непрерывных изменений в Советских учебниках истории.

А кроме того поговаривают, будто с высоты птичьего полёта Черниговский вокзал смотрится как Тевтонский крест. Мне, в общем-то, не доводилось осматривать здание сверху, однако могу засвидетельствовать — из всех посещавшихся мною вокзалов только тут можешь набрать кипятка из внушительно медного крана в любое время суток...)

Довольно ловкая подводка (скажешь: нет?) поделиться с непосвящённой публикой, что здание Центрального Театра Советской Армии смахивает на звезду с пятью концами для мимолётных пернатых, которым делать больше нечего, кроме как под себя смотреть.

Внутри же — это добротное здание, с большим зрительным залом на первом этаже, стендов и широкими галереями на втором с шеренгой выставочных.

С пристальным до скрупулёзности вниманием, предался я ознакомлению с выставкой почтовых конвертов и спичечных этикеток, выпускавшихся в годы Великой Отечественной войны, потому что прибыл в ЦДСА за два часа до концерта. А что ещё оставалось делать в незнакомой зимней Москве?

Картинки на конвертах и этикетках, при всём своём наивном примитивизме, нашли во мне глубинный отклик с тёплой ностальгической грустинкой, ведь я взрастал на чёрно-белом гумусе кинофильмов той поры.

—

Затем я спустился в зал, и вскоре туда явились джазмены установить и опробовать свои инструменты на сцене — ударник, вибрафон, колонки...

Завершив приготовления, музыканты дружно набросились на лысого Еврея, за то что слишком умный и опять опоздал. Заняв круговую оборону, он прогнал им дуру про тяготы Московской жизни, а потом перешёл в контратаку с угрозами, что скоро он ващще завяжет с этой музыкой, потому что: не, ну, оно ему нада, а?

Обоюдности своих контраргументов они перенесли за кулисы, а зал стал потихоньку заполняться. Для аудитории из сотни любителей джаза, кресел в рядах лилового плюша хватало с избытком.

И начался концерт... Вела его высокая толстая девушка в чёрном, и она же иногда пела.

Я выпитывал номер за номером и хотел только одного — пусть они не кончатся. Какой Диксиленд выдавал вибрафон! Какие риффы на бас-гитаре!

В одном из номеров басист, его гитара с длинным грифом, и девушка остались полностью одни, втроём на сцене, не считая микрофон. Они сотворили блюз настолько откровенной сексуальности, после которой вся масс-порнуха стала лужей слякоти у входа на ферму крупного рогатого скота.

Еврей показался всего один лишь раз, он играл на бонгах. Играл?! Весь Африканский континент не выдаст на их барабанах чего-либо подобного.

Я простил ему его лысину и тупой базар перед концертом, потому что он стал совершенно иным человеком. Он забыл, что оно ему "ващще не нада" и творил ритмы, наполняющие тебя неудержимо радостным восторгом. «Браво! Браво!»

~ ~ ~

По-видимому, в одной из пяти звёздчатых конечностей ЦДСА проводилось какое-то параллельное мероприятие, потому что к стойке раздевалки толпилось много офицеров в парадной форме, которых на концерте не было.

Девушка гардеробщица принесла одежды сразу для двоих и опустила их поверх стойки: генеральскую шинель на подкладке из алого шёлка и каракулевым воротником (так этот опёнок засушенный слева от меня — генерал?) и демисезонную шинелку от Алёши Очерета.

На гладь полировки опустила она их, испуская чуть слышный грустный вздох. Споконвечная печаль звучала в тихом вздохе.

(... а куда денешься? Обычная неразрешимая дилемма — либо гусар, кровь с молоком, но без копейки в кармане, либо замухрышка генерал, однако с обеспеченным доходом.

У каждого найдутся рычаги утешить дам, када их чёт на вздохи потянуло, но коренятся рычаги в разных грядах; отсюда — выбор, а в нём — трагедия...)

—

Московские таксисты профессиональнее своих Киевских коллег. Во всяком случае, тот, что подобрал меня после концерта, оценив мою верблюжье-шерстяную внешность и безбагажность, с первого же раза отвёз в гостиницу, где не заводят навязшую на зубах херню про предварительное бронирование...

Гостиница «Полярная» начиналась от тротуара и терялась где-то во тьме ночного неба... Регистраторша отправила меня лифтом на невообразимые высоты между двенадцатым и шестнадцатым этажами.

Номер оказался схожим с комнатами отдыха на Украинских вокзалах, куда всегда принимают, был бы только паспорт и рубль за койку. Только в ночлежке «Полярная» коек оказалось больше — штук за двадцать, на которых уже валялись постояльцы, переодевшись в свои синие спортивные.

При мне же было только то, что на мне, и оставалось только раздеться и — баиньки... Однако тут желудок начал тоскливо нарекать на мою забывчивость, оставившую его пустым

после культурной жизни. Заодно, досталось от него упрёков и моей азартности, из-за которой я так и не перекусил в пылу охоты на «паравоза».

Пришлось поинтересоваться у ночлежников, где тут столовая или буфет какой-нито. На это вальяжные спортсмены, с чем-то типа даже злорадства, разъяснили, что всё такое подобное тут закрывают в семь.

Чувство голода и нарастающее желание осадить соседей (да ещё ж радостно так — «а всё уже закрыто!») заставили меня скинуть верблюжье пальто в стойло общего шкафа и вжикнуть лифтом вниз.

—

На широкой уличной приступке под сантиметровым слоем пушистого снега, рядом с гостиничным входом находилась также высокая дверь в ресторан уже, разумеется, запертая. Однако в глубине за нею различался свет и отдалённое шевеление...

Я принялся колотить в коричневый переплёт, обрамлявший стекла двери. Человек в чёрной фуражке и с широко-жёлтыми полосами на пиджачных рукавах возник по ту сторону прозрачной преграды. При виде меня, — стоящего на фоне чернильной темени позднего вечера, без шапки, чуть утопая в мелком слое снега на приступке, в настежь распахнутом синем вельвете пиджака поверх белой рубах... Тут без дедукции было налицо, что я носик выходил припудрить, либо иначе как-то насладиться свежим снежком на открытом воздухе, ну, а теперь вот захотел обратно.

Он отпер дверь, и я устремился в зал.

~ ~ ~

Ресторан отличала обширность полезной площади. Её хватало для гулянки пары свадеб, синхронно-параллельных, но и при этом оставалась группа скучающих столов. Где-то с полдюжины.

Ждать пришлось довольно долго, пока подошёл официант, которому я сообщил о своём желании поесть. Что-нибудь попроще, без излишеств.

Чтобы скоротать время, пока он вернётся с моим Спартанским заказом, я пронаблюдал танец молодых из ближайшей к моему столу свадьбы. Под конец их типа как бы танго, дебелия невеста чего-то психанула, заехала подлым ударом локтя в грудную клетку тщедушного жениха и вернулась за пиршественный стол.

Тоцак схватился за свой галстук, чтобы не рухнуть, пока дышалка восстановится. Лицо его искривилось в поддельной улыбке, обнаружившей отсутствие верхнего резца с клыком вместе. Фундамент брачных отношений закладывался прямым на свадьбе.

Бедолага! Ну ты, бля, вляпался, полный пиз... то есть... Совет да любовь!

—

По счёту за ужин мне не хватило одного рубля. Вернее, рубль у меня ещё оставался, но его я берёг на расходы следующего дня. Не вдаваясь в подробности, я объявил официанту про нехватку, пообещал, что непременно верну и спросил его имя. Он назвался, и не проявил настойчивости относительно рубля.

В номер я поднялся сытым и довольным, а на расспросы постояльцев, с рассеянным зевком, пояснил, что ресторан внизу ещё работает.

~ ~ ~

24 часа спустя, я прибыл в Конотоп и гордо повёз денрожденный подарок На-Семь-Ветров. Семья Наташи уже жила там, в крупноблочной девятиэтажке, построенной ПМК-7.

Местонахождение их квартиры было мне известно, — в виде помощи молодой семье, я писал для Гены контрольные по философии и истории, которые ему задавал заочный институт в городе Полтава. С подмоченного шурина хоть шерсти клок...

Поездка лифтом на четвёртый этаж показалась провинциально краткой, но дверь мне не открыли. Гена иногда уезжал на сессии, а Наташа могла выйти к какой-то из соседок, которым я не писал работ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.